

МИХАИЛ ГЕРГЕНОВ

Родное село

Рассказы

Улан-Удэ
2013

Содержание

1. Моя Деревня.....	4
2. Зима в Ново-Ленино. Охота.....	5
3. Хоккей и не только	7
4. Домашние дороги.....	10
5. Зэдгэнэ, море, лес.....	13
6. Палины выдумки.....	17
7. О Маме.....	19
8. Друзья.....	21
9. Яшка и АВМ	23
10. К юбилею школы.....	26

Предисловие

В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

Николай Рубцов

Моя деревня.

Поднимаюсь на Бильчирскую гору, даже подъезжая к ней, когда видишь наш залив, начинаешь чувствовать, что сейчас откроется удаленное мое деревня. И хотя проехал уже почти 700 км, устал, встреча со своим родным краем придает сил, волнения, радости, теплое ощущение дома. И вот уже Бильчир, уже виден наш похожий на полуостров, возвышающийся над водой Ново-Ленино. Проезжая Приморск, Кутанку больше смотрю уже на свою деревеньку, чем на дорогу. И с этими местами связано очень много за школьные годы учебы, спорта, соревнований, олимпиад, сбора ягод, грибов, охоты, рыбалки. А здесь уже и Обусса и все, начинается – горы, поля, озера не раз ископанные мной с папой, сестрами, братьями, одноклассниками, друзьями. Ежегодно мы с семьей Кузьминых и Сунаевых две-три недели с ночевками косили сено в богатом Обусинском урочище. А залив все время рядом, сопровождает тебя, иногда видны утки на нем. Подъезжая к Хайгинской горе, готовишь заранее деньги для подношения хозяину местности, или если есть с собой, огненную воду. Заезжаешь на нашу святую гору, под которой похоронены наши предки, и все считаешь, ты уже дома, остались пять последних километров, которые уже и не дорога, а одни воспоминания. Тут уже каждый метр знаком, в школьные годы ежедневно почти пробегал эти 5 км в виде зарядки. Первый дом справа в Ново-Ленино наш, Гергеновский. Когда я учился в 5-6 классе мама с папой переехали сюда со старого дома в центре села, т.к. начали работать здесь на подстанции. Сейчас здесь живет старший брат, большой охотник и рыбак, со своей семьей. В этом году они сделали там ремонт, небольшое хозяйство. На новоселье, приваженное под навесом в ограде, я приехал за 2 дня. У нас выпускников 82 года Ново-Ленинской средней школы был 30-летний юбилей окончания любимой школы. Его мы провели на берегу моря, до утра, самые крепкие встречали рассвет. То ли от пения, то ли от купанья в холодной еще воде моря, у меня пропал голос, но

скорее всего от радости встреч с одноклассниками. Пусть всегда стоит мое родное село на берегу моря, похожее на полуостров, радуя своих жителей огоньками, видными даже из далекого Улан-Удэ, и здесь в городе, мне будет легче.

Зима в Ново-Ленино. Охота.

По первому зимнему снегу начинались облавные охоты на косуль. Собирались по 20-30 охотников на лошадях, тракторе, уазике и гоняли по субботам и воскресеньям. С нами были учителя Борис и Фёдор Константиновичи Хазагоровы, Лев Прокопьевич Иринцев, директор школы Богданов Семён Самсонович и др. Мы, школьники, были загонщиками. С собой брали сало, хлеб, заварку, сахар, обязательно кипятили чай из первого снега, с первой косули брали печень, а Олзоев Октябрь Николаевич пил их свежую кровь. Столько народу – рассказов, анекдотов, охотничий день пролетал как пуля, а вечером делили добычу. Раньше, невзирая на возраст, кучи мяса распределялись по кругу, кому-то завязывали глаза и обычно мой папа – старший на охоте, спрашивал – жандэ? – кому. И парень с завязанными глазами говорил имена поочередно всех участников охоты. И ты, со своей добычей, гордо шёл в сумерках домой, а взрослые ещё долго сидели, вспоминали свои охоты, спорили где лучше охотиться на следующий день – за Хайгой, за Улеем или поехать на Родуй, или к Удантаю, чьи кони устали, надо ли загонщиков ещё звать. Если ехать на Хайгу, надо обязательно местного одного-двух взять, а то обидятся, что на их землю без них пошли. Обычно ехал с нами Фёдоров Кеша, выросший на лошади, я его без лошади пешком никогда не видел.

Загонщиками раньше командовал обычно Жертанов Слава, папин любимчик, балагур и весельчак, тоже сросшийся с лошадыю. Но несмотря на все наставления, часто загонщики терялись – шли не туда и не могли

выйти на номера. Мы кричали, стреляли, ждали, а если всё равно нет, продолжали загон. День короткий, надо добыть зверя, а загонщики все равно найдётся. Это не было браконьерством, это была охота ради добычи, азарта, ведь целый день на морозе, 1-2 разожжешь костёр согреться, поесть. Никаких излишеств, только если у кого-то особо вкусное сало, свой домашний хлеб. Один раз поздно возвращались как обычно – почти ночью и вдруг с перекрёстка Манзарга, ведущий нас загонщиков, поскакал махом на своей лошади. И все остальные за ним. Эти 3 километра показались мне бесконечными. Ездил ведь я верхом плохо, только на охоте. И эта гонка ночная, когда лошади понеслись, почуяв родную деревню и перегонки, и я не в силах был остановить свою лошадь, иногда снится мне до сих пор. Я бросил поводья, обхватил шею лошади и молил Бога не упасть бы – не разбиться об зимнюю землю.

Лошадей держать в личном подсобном хозяйстве не разрешали по-чему-то. Папа, когда нужно было, шёл на совхозную конюшню и договаривался с конюхом, взять на вечер лошадь. На ней мы вдвоём ехали в санях за сеном в совхозные поля. Сани у нас были свои, а сено общее, значит ничьё, но ездили затемно, в больших овечьих полшубках по оврагам, чтобы невидно было. Загрузишь быстро небольшую сирдду и верхом на этой копне сена домой. Если брали лошадь на охоту целый день, то кажется платили в контору за это. Такая охота называлась "Идти по следу" – самая настоящая, по-моему, честная охота. Тут кто кого: или ты косулю поймал, или она тебя за целый день так вымотает, что потом ходить тяжело. Надо найти свежий след и попытаться незаметно подкрасться к косуле на выстрел. Идти незаметно, тихо, хотя снега по колени, ружьё всегда в руках, наизготовке, напряжение постоянное. Если приезжали 2-3 человека, чаще всего с Иваном Ильичом Самёновым или старшим братом Валерой, то шли в одном направлении: я – по склону горы, папа – по крайкам леса, Иван Ильич посередке, а Валера

ходил по свежему следу аглубь леса. Самое плохое – если косули зашли в чащу – кустарниковый бурьян, и нет выходного следа. Тогда приходилось мне идти напролом – весь изотрешься в этих колёчках, а косули убегут с концами. Но всё равно хорошо на свежем воздухе, вскипятишь чай на костре (на такой охоте пить запрещалось), ободришься, как стемнеет, в санях потихоньку едешь домой, иногда уснёшь прямо там же, подстелив сено. Один раз я решил один – это было в классе 8 или 9 поохотиться. Папа довёз меня на лошади до Улейской горы. Я вышел на свежий след и прошёл за косулей до горы "Мэнда" – километра 3. Уже почти стемнело, и я очень устал, мушки почти невидны, но я прострелил почти весь патронташ, догнал косулю – именно догнал, она была ещё живая, ножом проткнул ей горло и сам рядом упал, сил не было разделять, тащить на себе добычу. Выпустил ей кишки, хорошо закопал в снегу и пошёл домой пешком – пришёл где-то часов в 8-9 вечера. Давно уже стемнело, зима же, мама ругала отца, почему меня одного он оставил, можно ведь заблудиться, замёрзнуть, но папа, наверно, узнал, что я попал на след, и поэтому я долго троплю. Вот этот путь домой под синим небом зимней ночью тоже остался в памяти. Как медленно приближались огоньки моей деревни, но метров за 500 усталость прошла как-то. На следующий день мы с папой привезли на лошади косулю домой, разделали, и папа не нашёл там ни одной картечины. Я её просто доконал что ли, косуля была маленькой, и она тоже, наверно, устала от погони.

Хоккей, и не только

Когда морозы немного крепчали, мой папа заливал возле старого нашего дома в Ново-Ленино каток для хоккея. Он доставал пиломатериал, гвозди, а мы помогали делать хоккейную коробку, флягами привозили воду, убирали снег, и начиналась игра. Приходили ребята со всей деревни, вечерами собирались повзрослее ребята, поле освещалось с

нашего фонарного столба двумя прожекторами. Играли в валенках, мячиком для русского хоккея, клюшки в основном были самодельные. Судей не было, правил почти тоже не было. Все насмотрелись американского хоккея во время знаменитого матча СССР – Канада 1972 года. Кумирами были Харламов, Петров, Михайлов, но конечно и длинноволосые канадцы, играющие без касок – Бобби Хал, Фил Эспозито, Лэбраатен. Лаврентьев Сашка, живший напротив нас, вообще стал лавбрансаном до конца школы – был такой же драчливый и бесстрашный. В старших классах он выходил из дому и внимательно слушал что-то. Я спрашивал у него – “Ю дулааш - что слушаешь? Я, говорит, слушаю, кто где в деревне дерётся. Зачем? – Пойду поучаствую – он отвечал. В детстве, перед его домом, сосед Туруушаб на K-700, огромном тракторе, летом проделывал огромную колею, когда шли дожди, там было почти море, и мы, Сашка, я, Багинов Колька, мой сосед, очень часто там купались. Сашкина мама или его сестра Таня выходили за ограду, кричали Саша, а он нырял в воду, прятаться в воде мог минутами, как рыбы. И не разговаривал он почему-то, хотя всё слышал, понимал. Но один раз, когда мы были в этой луже, совхозное стадо коров пошло по нашей улице во главе её был огромный бык. Мы втроём заигрались и заметили стадо совсем близко. Путь отступления до дома не было – мы с Колькой жили на другой стороне улицы. Выход один – к Сашке домой. И Сашка с криком Мама! Мама! Буха! (бык) понёсся первым. Еле успели закрыть калитку, мама Сашки нас ругала, и только чуть позже до нас дошло, что наш друг стал говорить от испугу. Я думал, что может мне это мне всё показалось, но когда я этим летом приезжав в деревню на 30-летие окончания школы, Сашка мне это подтвердил. Конечно, всё это было в года 3-4, до школы. Сашка с Колькой были на год меня старше, и когда они в 6 лет пошли в нулевой класс, пошёл за ними и я в 5 лет. А в первом классе сломал ногу, прыгая вместе с ними со второго этажа строящегося детского сада. Причём нас толкали буквально в спи-

ну наши братья Багинов Гоша и Семёнов Слава. Славкин отец потом меня со сломанной ногой на своей телеге довёз до дома, и мои друзья таскали меня на костылях в школу почти весь первый класс. Но вернёмся к хоккею. Страсти там были нешуточные, играли класс на класс, улица на улицу. Иногда дрались. Мне почти разбили глаз, и после этого левое глазное яблоко не расширяется, не умецается, но почему-то видит хорошо – “Трус не играет в хоккей”. Спасибо папе за эти уроки. Никогда меня не ругал за эти драки, порванные фуфайки, валенки, клюшки, ругал только, если по дому дела не успевал делать – накормить скот, принести воды, наколоть дрова, натаскать их, подмести от снега дворик. Эти дрова мы начинали готовить в конце зимы – начале весны. Туруушаб на своём “K-700” из лесу привозил огромные деревья на всю улицу нашу. Надо было срубить ветки, сучки, старшие на бензопиле “Дружба” распиливали деревья на чурки. Старшие братья раскалывали их пополам. А нам, ребяташкам, поручалось разрубить чурки на поленья, сложить их в огромные кучи, чтобы сушились, а потом сложить в поленицы. Вся улица была в звуках бензопилы, стуках колёнов, мы мерились силой между собой – кто разрубит самую крепкую смолистую чурку. С этими звуками приходила весна и наши каникулы. Но для папы это было время охоты по насту. В шесть утра он меня будил, и, взяв с собой рюкзаки с едой, лыжи, шли пешком на “Хур-лан” – близлежащую гору за одной сосной. До того, как наступит рассвет, “Ур Сайжанай” – как папа говорил, мы должны были быть уже на самой макушке этой высокой, крутой горы. Я шёл по южному склону, оттаившему от снега, и гнал косуль, если они были к отцу, сидевшему на номере метров через 200-300 от меня. Это охота по насту, конечно, жестокая, но весной мяса дома уже не было, и приходилась идти на рассвете на эту гору. А какой был зато спуск! Охотничьи широкие лыжи, которые ремнями крепились к валенкам, становились горнолыжными, и я с этой горы, прямо по насту, с огромной скоростью спускался между деревьями, кустарниками,

мимо 1-ой сосны прямо к нашему оврагу. В 10-11 часов я был уже дома. Когда было тепло, градусов 15-20, до этих оврагов почти все младшие классы после школы, на санках, на лыжах спускались, с горки катались. Самые отчаянные спускались с 1-ой сосны по дороге – это мне почти слалом. На лыжах мы в школе бегали на уроке физкультуры 2 раза в неделю, в любой мороз. Я добежался до 1-ого мужского разряда, хотя и показал результат 37,07 в Чуне на севере Иркутской области на 10 км. Мой тренер, наш физрук, Николай Матвеевич Хамкушнев договорился с судьями убрать эти 7 секунд (какие аргументы он привёл – я не знаю). Но в 1981 г. на районном лыжном турнире имени Бильдуши-никова ребята с Осы – Чернов, Рухадзе, Москвитин, все высокие, красивые, в комбинезонах, начисто перегнали нас в родном Ново-Ленино. Особенно было это обидно, что пришло очень много зрителей, взрослых, трасса проходила как на ладони по нашему водохранилищу до нашего кладбища два круга по 5 километров и их яркие красные комбинезоны явственно показывали лучшие результаты. Но мы были. То ли мазь подвела, то ли перенервничали, но мы – Халмакшиновы Сергей, Родион, Хамкушнев Витя, я проиграли на следующий день в эстафете 4 по 5 километров. Было стыдно. Перед земляками, перед тренером, одноклассниками. Осинцы ходили в героях, и по заслугам.

Домашние дороги

Мой одноклассник Алёша Балханов, потомственный чабан, имел родовую кошару в сторону Удоктан, километров за 5 от деревни. По выходным и праздникам он организовывал своим одноклассникам выезды на санях и себе на 2-3 упряжках лошадей, почему-то всегда вечером или ночью. В темноте мы с гиком летели на санях в его кошару, немного там веселились и под утро на тех же упряжках возвращались домой, особенно было классно слушаться с горы "Одна сосна" – крутой и длинной. Специально иногда переворачивали лёгкие сани, чтобы вме-

сте с нашими 4 девочками, а нас в классе 18 ребят, зарыться в снег и смеяться от души. Спасибо тебе, Алёшка, за эти поездки!

Один раз зимой рейсовый автобус "Иркутск-Бохан-Оса-НовоЛенино" сломался в Кутанке, не доехав до дома где-то 17 километров. Было где-то около 7 часов вечера, автобус сломался надолго, мы ждали пока водитель отремонтирует, прошло, наверное, около 2 часов. А напрямую через водохранилище по льду до Ново-Ленино где-то 3-5 километров. Но по снегу по колено и выше, без дорог и тропинок. Я тогда учился в Иркутском Университете, скучал по дому и рискнул идти один домой. Шёл долго, автобус приехал в деревню к нам часов в 10 вечера – я видел по свету фар, ведь машин в те 80-ые ни у кого не было, и все огоньки на дороге были видны далеко. Я пришёл домой где-то в 11 ночи, скорее всего приполз. Мама сидела возле своего окошка на кухне и ждала, ничего не сказала. Может быть ночью плакала, не знаю. Когда я приезжал домой, заранее, мама готовила еду, запрещала старшим сёстрам Наташе и Лоре кушать домашние деликатесы, чтобы мне досталось, отхончику. Папа меня маленького после ловли рыбы утхуром в весенних полыньях на Хайгинской речке носил домой в этом самом утхуре за плечом, второй рукой держа мешок с рыбой. Маленькими мы ходили по деревенским улицам ночью и пели песни из популярных советских фильмов – "Крутится, вертится шар голубой" и другие, хулиганили немного. На Рождество разбросали поленицу у своей не очень любимой учительницы, за что нас сурово наказали в школе. Сёстры, Лора и Наташа, на крещение ходили с подружками в нашу баню гадать. Я подглядывал, как они вызывали духов Пушкина, Лермонтова, чего-то там крутили на свет свечи. Было страшно и интересно. Ведь блюдечки на самом деле прутились. Духи, наверное, есть всё-таки, но наши, деревенские, помогающие нам. Вообще свет в Ново-Ленино выключали очень часто, особенно вечером. Все зажигали керосинки, свечи, ложились рано, ведь телевизоров почти не было, детей поэтому рожда-

лось много. Зимой папа, мама, и поехали в Бохан на нашем "Москвиче" купить телевизор. Там был огромный универмаг, полно телевизоров – мы выбрали "Славутич". Её запихали в багажник, он не закрывался, привязали верёвкой. Обратном на Боханскую гору папа с первого раза не смог забраться. Сколько, опыта мало, мы с мамой толкали машину. Зато когда привезли в наш старый дом в центре деревни, вечером собралась вся улица – смотрели Штирлица. Все сидели на полу – человек 15-20, папа довольный, всем говорил – Характы – Штирлицэ шудэн видно – какое качество! Мама работала в кино в кассе, нас друзей, соседей пускала без билетов. Индийские фильмы мы считали джэнчэнли и не особо ходили, хотя вся деревня по 3-4 раза набивалась битлами в наш старый деревянный клуб и плакали хором от Радж Капура, Энты и Гиты. Зато когда привезли "Вий" – первую страшилку советскую, мы сидя на полу, безбилетники, прикрывая шапкой глаза в самые страшные моменты, всю длинную зиму пугали друг друга привидениями. Иногда Кольке Багинову мама привозила диафильмы и мы смотрели как в кино, особенно "Рики-Тики-Тави" запомнилось. Мы мечтали быть такими же ловкими, бесстрашными, чтобы защищать своих от всяких змей. Пусть никогда не заметёт наши дороги домой – ни снег, ни память. Нигде больше нет таких величественных гор, они возвышаются над нашей долиной как сфинксы – огромные львы как будто охраняя нас. У каждой горы есть своё имя. Чего только стоит Улейская гора, про которую поставлен спектакль в Бурдраме или Удоктай, с чьей вершины в ясные дни видны Саяны за 500 километров. А наше озеро, полное рыбы, по которому летали скоростные "Ракеты", где мы сутками купались детьми. А наши речки: чистейшая Хайгинская, из которой все пили воду, красивая полноводная Обусинка, горная Родуй с хариусами, леса с медведями, рысями и лосями. Какие там Турция и Тайланды, им ещё далеко до нашей Обусинской долины!

Геренов М. 06.01.13

Зэдгэнэ, море, лес

Заготовки земляники в урожайные года у нас принимали промышленные масштабы. Варили варенья больше 150-180 литров, на это уходило в 2 раза больше ягод – где-то 30 ведёр больших, несколько мешков сахара. Собирали её всюду, но любили всей семьёй – папа, две сестры и два брата, ездить подальше от деревни на своём жёлтом "Москвиче". Выезжали рано утром в 7-8 ч, брали с собой воду, еду, по 2 ведра на каждого. Особенно папа любил ездить на "Ножку" – местность между Удонгаем и Улеем, островок леса между полями пшеницы и овса. Дорога туда не очень хорошая и за ягодой мало ездил кто, кроме нас. В разные годы земляника росла там то на большой поляне, то в оврагах, то на краю леса, но почти всегда собирали минимум по 10 л на каждого. До школы папа давал мне 3-литровый котелок, но я всё равно не успевал до обеда её набрать и просил папу незаметно от сестёр мне досыпать. Собирали землянику, особенно в начале, очень муторно. Пока не наполнишь до половины ведро, всегда думаешь – никогда его не наполню, бездонного. И я собирал, якобы случайно, ягоды с травой. Но вот собрали положенную норму, и после обеда папа говорил, что загон пора делать. Лора и Наташа становились загонщицами, я, папа, Валера становились на номера. На этой охоте в классе 5-6 я впервые и убил носулю. Она вышла на папу – папа промазал, Валера её ранил и её полуживую я добил из нашей берданки, сам не знаю как, от испугу наверное. Папа обмазал всё моё лицо кровью, с первой добычей. Сейчас эта местность называется «Денисен Ножка». Если мы собирали ягоды больше нормы, ездили на "Ракету" менять на деликатесы. Она ночевала на причале в Ново-Ленино. На 2-3 ведра земляники можно было взять 2-3 палки варёной колбасы, пару бутылок лимонада. Конечно не равноценный обмен, но в магазине в деревне кроме 3-л банок берёзового сока, кускового сахара, каменных пряников ничего не было.

Зато как утомительно, но в то же время романтично, было чистить нашу ягоду вечером под навесом на улице. Опять у каждой ягоды надо отсрывать хвостик, мелкую ягоду оставить на сушку, а крупную сразу отдавали маме варить на уличной печке варенье. Под тусклым светом лампочки или керосинки, когда света не было, на длинном столе расставляли посуду и под неторопливый разговор до 12 часу ночи чистили всей семьёй. Утром покушаешь свежее варенье и снова за ягоду. Один раз, почти случайно, на самой горе "Удоктай" наехали на целое море-океан земляники. Весь склон был красным от ягоды. Быстро набрали, как говорится, не отходя от кассы, целый багажник ягоды. И папа говорил потон, что машина буксовала, ягоды скользкие не давали сцепления колёсам – так много её было и многие варили.

Через 2-3 дня, когда ягодное варенье остынет, наливали его в огромные 10 л банки стеклянные или 3-литровые и опускали в 10-метровый подвал на подстанции, где работали родители. Всю зиму хранили, если возили как подарок родственникам, небольшое угрюженное преподавателям старших сестёр и брату в Улан-Удэ – помощь в учёбе.

Земляничное варенье, домашний хлеб со своей сметаной – самая вкусная еда для многих и для меня. А папа вообще не кушал ни ягоды, ни варенье. После сбора ягод, если не было загонов, папа запихивал в багажник своего "Москвича" невод, 2-3 пустых мешка для рыбы, и мы опять же с семьёй ездили в наш залив рыбачить. Потом уже наши дети помогали нам таскать этот 30-метровый бредень. Помимо всякой мелочи иногда попадалась хорошая рыба – сом, щука, лещ, сазан – их нам мы гонялись за ними, чтобы они не ускользнули от нас, нырнув под невод. Один раз в Улейском заливе папа с совхозниками тянули 100-метровый невод, перекрыв почти весь залив. Где-то метров за 50 невод встал, думали, что зацепился за бревно. Меня отправили посмотреть потонно – оно оказалось всё забито рыбой. Начали тянуть, позвали ещё

где-то 10-15 человек. Но всё равно вытащить на берег не удалось – столько рыбы было. Пришлось в воде вычерпывать рыбу ведрами и носить на берег. Все мешки, багажники оказались заполненными. Тогда с Улея пригнали трактор с прицепом и его почти заполнили. Рыба в этом перекрытом неводе плескалась, прыгала, казалось, что идёт серебряный дождь. Больше такого улова не было – и хорошо.

А то весь Улей 2-3 дня гулял, поменяв эту рыбу в соседнем Бараново на отненную воду. Не пропадать же ей!

Один раз на своей "Тойоте", загрузив, как мой папа, всю родню: невестку Свету с сыном Сашкой, сестру Наташу, свою жену Ларису, детей наших Серёжу и Мишу, поехали искать "задганэ". Неподалёку от березняка в оврагах нашли хорошее место. Но дети, а Серёже с Сашей, было года 4-5 всего, Миша старше немного, долго не вытерпели этого монотонного сбора под палящим солнцем и мы поехали дальше. Женщин оставили собирать "задганэ". Я знал, что ниже горы Удоктай есть хорошие кусты черёмухи, а может они созрели? Почти доехав до места, практически уже без дороги, на повороте, машина двумя колёсами провалилась в глубокую яму – почти овраг и повисла в воздухе передом. Тихонько вышли из машины. Что делать? До Улея километра 3-4, до Ново-Ленино где-то 7-8. До наших женщин ближе – они же должны ждать нас. Мишу я отправил в сторону Улея – по лесовозной дороге – может кого-то встретит. Сам пошёл в сторону Ново-Ленино. Взойдя на Удоктай, услышал стук топоров и звуки бензопилы. Начал кричать громко. Долго никого не было, но потом вышел из-за леса Александров Николай Николаевич – наш учитель музыки. Узнал меня и на мою просьбу о помощи позвал ещё 3-х своих соратников. Мы пошли к машине моей. Навстречу нам шли маленькие Серёжа и Саша, взявшись за руки, они плакали. На мой вопрос "Куда идёте" – сказали домой. Сколько километров до дома и где наш дом, они, конечно, понятия не

имели, но шли грязные от слёз и пыли. Хорошо, что не разминувшись по пути. Вместе с мужиками и детьми пришли к машине и вытащили её. Но где же Миша? Кричали, и минут через 20-30 он пришёл по улейской дороге. По пути он наткнулся на лесосеку и нашёл там около 2 т. руб. – наверное, лесорубы гуляли и растеряли. Я просил детей ничего не рассказывать маме, но они всё узнали. И мне досталось крепко. А деньги, найденные Мишей, половину отдали нашей родной тётке Ольге Кузьминой, на остальные купили сладости. Но черёмуху всё-таки потом нашли за Хайгой и весь рот, язык 2 дня были чёрными, аж в горле перешло. От "зэдганэ" бывает понос, если переешь его сырой, от черёмухи наоборот, запор, извините, а если эти две ягоды совмещаешь – то всё будет нормально. Попробуйте, проверено на собственном желудке.

Когда сейчас писал про Удоктай, вспомнил, как в классе восьмью летом после кино в 7 часов вечера пришёл домой и узнал, что папа с братом без меня уехали на солонцы. А ведь мы договорились вместе, но к нам приехал дядя Феликс Кузьмин на своём синем "Москвиче" и они, быстро собравшись, уехали на охоту за Обусу. Я знал это место – бывал там с отцом. Сел на свой велосипед "Уралец" и поехал по гравийной шоссейной дороге. До Обусы 12 км проехал засветло. За Обусой по просёлочной, почему-то с белой пылью (наверное, от соли) дороге ехал уже, когда темнело. Когда километра через 4 я подъехал к машине, стоявшей под Борохальской горой, было, наверное, 11-12 ночи. Папа меня сильно наругал, дядя Феликс разобрал велик, положил в багажник и мы вместе поехали домой. Была ли косуля – я не помню, меня самого как добычу, еле живого положили на заднее сиденье – ну и дурак же я, могли же разминуться ведь, как я с детьми на Удоктае.

26/01/13

Герценов М.

Папины выдумки

Мой папа, Денис Михайлович, был необыкновенным человеком. В нём сочеталось столько, как у волшебника Старика Хоттабыча, что рассказать хотя бы об одной черте уйдёт не одна тетрадь. Здесь коснусь одной. Встречаясь со многими земляками из Ново-Ленино, всегда удивлялся рассказам про моего папу. Его мгновенной реакции на выдумки. Мы летом и осенью всегда рыбачили-то неводом, то сетью (об удочках понятия не имели). Сперва был невод небольшой – метров 25-30 в длину. Глубина нашего Братского водохранилища не маленькая, и обычно на дальнем конце невода было глубоко, отбирали высокорослых, сильных. Но где их взять в небольшой деревне? Один раз с нами поехал порыбачить главный специалист нашего "Обусинского" совхоза, не отличающийся габаритами. Мы, мальчишки 5-6 классов, с папой взяли ближний конец невода, а совхозники с главным специалистом дальний. После 20-30 метров брожения на глади залива вместо специалиста осталась его одна белая шляпа. То ли он где-то завяз, то ли потихоньку смылся. На следующее утро к нам домой пришла супруга специалиста и громко говорит моей маме: "Почему твой Денис по всей деревне говорит, что мой муж пентас, карлик, не может 30 метров невод проташить, только отвернулся, говорит, а от него одна шляпа осталась! Сам Денис как будто Геракл, рост то у них одинаковый. А моего срочно в контору позвали, он и убежал. А шляпу забыл. Отдавайте мне её".

Иногда в сети попадало много рыбы, особенно мелкой "Улан Нюдэн", как мы называли. Её давали на корм свиньям. Но папа один раз отнёс её новому директору нашего совхоза. Он посмотрел на эту мелочь и хотел отказаться. Но папины слова, сказанный спонтанно в то утро, этот директор помнит до сих пор: "Ты что! Закрой двери на засов, выпусти собак и никого не пускай, свари рыбу и со сметаной до слёз будешь кушать".

Уже другой директор совхоза, которого папа ради мелкого подхалима-на тоже угостил рыбой, устав чистить рыбу, дал её свиньям своим и одна съдохла. Он пришёл к папе со словами: "Что же это такое". А папа ему сказал: "Твои свиньи тупые, вместо того, чтобы с головы есть, они пушала рыбу с хвоста, против шерсти и подавились".

Один раз, на утренней совхозной планёрке, где обсуждались полевые работы, у директора зазвонил телефон.

Директор совхоза подзвал папу к аппарату. Звонила моя мама. Папа немного послушал жену и сказал в трубку громко: "Ты что так часто, Женя, дышишь? Что случилось? Ты разве не одна – кто с тобой там?". И бросив трубку, побежал домой. Потом только выяснилось, что моя мама звонила папе сказать, что наша корова начала телиться, и она не может корове помочь отелиться – что что-то не так, требуется его помощь. А папа, чтобы найти причину срочно убежать домой, ведь роды не ждут, выдумал на ходу эту причину для ухода с планёрки. Вообще совхозное хозяйство у нас было крепкое, и дома мы тоже держали много скота, как помню, было не меньше всегда 3-4 коровы, 15-20 овец, 2-3 свиней, 20-30 кур, заводили пробовали кроликов. Однажды после охоты на солонцах папа со своим другом Прокопом Яновлевым возвращались ночью на лошадях домой. Наш дом первый, когда входил в Нов-Ленино. Папа говорит другу: "Зайдём ко мне, там нас будут ждать горничный чай, мясо, 100 г боевых". Зашли, посидели, а на прощание папа сказал: "Ты сейчас придёшь домой – тебя никто не ждёт, стол пустой, чай холодный. А всё почему? – потому что ты не учишь свою жену жизни – надо их постоянно чистить, потряхивать, как повёр, чтобы пыли меньше было". Дядя Прокоп пришёл домой – точно никто его не ждёт, ставни, ворота закрыты, огонь не горит. Старался стучаться, а потом хмель ударил в голову, и он проучил жену. Утром жена прибежала на совхозную планёрку и при всех стала кричать: "Ты

что Денис вчера моему Прокопу сказал – всегда был спокойным, а вчера ни с того, ни с чего стал орать, что его никто не любит, не ждёт, даже кулаки распустил!" И всё кричал: "Денис правильно сказал". Сколько себя помню, свободной минуты ни в детстве, ни в юности у меня не было. Всегда надо было что-то делать: или в доме, на улице по хозяйству, в 14 лет летом работал в совхозе. На следующий день после свадьбы моей в деревне, в зале, где мы спали с женой, на дверях папа прикрепил листочек: "В 9 ч подъём, до 10 ч уборка в доме, в 11 ч – выезд на ягоды, 14 ч – обед дома или в лесу, 15 ч – выезд на рыбалку, 19 ч – выезд на солонцы. И так всегда. Вот это медовый месяц!

23.01.13

Геренов М.

О маме

У наших родителей Дениса Михайловича и Евгении Папеевны родилось 5 детей – 3 сына и две дочери: четверо старших почти погодки, начиная с 1957г по 1961г и младший «отхонник» Миша 1966г.р. Хотя нам сейчас под 50 лет за 50, мы до сих пор дружная и сплоченная семья благодаря нашим маме и папе.

Сколько себя помню, мама наша всегда была в заботах и хлопотах по дому, хозяйству, огороде: целыми днями крутилась как белка в колесе. Когда мы были маленькие, мама работала кассиром в совхозном клубе и мне кажется, там она наверное только отдыхала.

Хозяйство у нас было по тем временам большое: всегда держали 2 коров, 3-4 молодняка, 2-3 свины, овец до 20 шт. и кур иногда до 60-70 шт. (продавали яйца, в магазине они были дефицитом). Как наш папа говорил, Женя т.е. наша мама из очень работающей семьи родом, на их

свадьбу с маминей стороны надарили столько золота, что у мамы пальцев на руках не хватало (папа конечно как всегда преувеличивал). Мама наша родом с Усть-Орды улус Баргурки, там там ее старший брат Булытов Семен Папеевич участник и инвалид войны всю жизнь держал до 5-6 голов коров, не считая молодняк, сейчас ему 90 лет. Семен Папеевич прошел солдатом всю Отечественную войну, вернулся раненым, одна пуля до сих пор осталась. Двое братьев мамины погибли на фронте.

При этом мы никогда не слышали, чтобы мама или папа нас ругали, голоса на нас не повышали. Если, бывает, провинимся – строго отчитают и все. С большим терпением и любовью учили нас трудолюбию, справедливости, уважению к старшим и друг другу.

Папа наш всю жизнь заядлый охотник, рыбак и лесной человек и нас научил этому. Мы всей семьей начиная с мая по сентябрь, ездили в лес и собирали все то, что можно есть: Черемшу, дикий чеснок, клубнику, голубицу, черемуху, боярку, грибы, все это потом надо почистить, сварить. И конечно вся эта работа доставалась маме, когда мы были маленькие (начинали мы собирать с дошкольного возраста), когда подросли, с сестрой Лорой конечно стали ей помощницами.

После папиной удачной охоты из мяса косули делали фарш и начинали лепить лепешки, котлеты в большом количестве и замораживали. Из лапок косуль мама заказывала местным швеям унты, а выделяла эти шкурки лапок аручию. Мы с сестрой с 1-го класса ходили в лыжных шапках, братья в ондатровых, опять все мама выделяла сама. Когда не стало хлеба в магазине, она начала печь его, и шаньги получались очень вкусные. Я до сих пор удивляюсь, как мама все это успевала делать, и при этом дала всем детям высшее образование.

А ведь мы еще с братьями и сестрой были активными участниками соревнований проводимых внутри школы, так и в районе. Этому нам всегда напутствовала наш папа. Помню, перед тем как ехать на очередной районный Сур-Харбан, папа мне вечером сказал, чтобы я встала в 6 утра, подрила коров и сдала молоко в контору (около 10-12л молоко мы сдавали ежедневно совхозу, за месяц выручка по сумме была почти равна 3\плате гл.специалиста) и только после этого я пошла в 9ч утра на место сборов.

Мама наша всегда была доброжелательно к нам – детям, к родственникам, справедлива. Мы, дети, даже став взрослыми всегда чувствовали ее заботу и любовь. Благодаря маме и папе мы живем.

Наташа Гергенова.

28.01.13г

Друзья

Ново-Ленинская средняя школа в 70-80 годы принимала детей с Хайги, Обусы, Улея и нас, конечно, местных, с Новостроя и Туи. Старших классов, начиная с восьмого, было по четыре – а, б, в, г. Больше 500 человек училось в родной нашей школе. Что там делали? Побеждали почти во всех районных и во многих окружных соревнованиях по любым видам спорта, олимпиадах, туристических слётах, военных сборах. Но самой интересной, конечно, была внешкольная жизнь. Почти всем классом делали самострелы и пуляли друг в друга горохом – играли в войну. Всем классом ходили на море, где загорали, купались, ныряли, плавали на плотках, иногда до кладбища нашего аж – до места старого затопленного Новостроя. Нас старшие заставляли драться друг с другом, одев старые боксёрские перчатки, бились до первой крови. Дома ни зимой, ни летом почти не бывали. Всё время на улице. Один я раз я уснул на

старом стадионе после футбола. Проснувшись, думал, что утро и вот идти я шлоу, ранец то рядом, но оказалось, что только вечер наступил. Один раз с двухэтажки, рядом со школой, прыгали с зонтиками, как с парашютами со второго этажа и одного из нас "бохолдой" - дружище си ветер отнёс на несколько метров. Повзрослев, стали на мотоциклах ездить по соседним деревням - и девочкам. Дрезжали до Кахи - километров 55 от нас. Там у Олзоева Данилки и Баирова Серёги жили родственники, и у них в ограде организовали знакомство с местными красавицами. Один раз мы возвращались с Кахи не через Осу по дороге, а решили через тайгу - на Кутангу, напрямик. Весь день промучились, вытаскивая друг друга из ям. Зато вечером успели в Обусу на дискотеку. После 8 класса я, Данилка, Генка Марков, Хазагаров Коста от своей школы были на районном турслёте возле Кахи. Жили в палатках в лесу, еду варили сами. Однажды к нам в гости пришли именно эти девочки с Кахи с бутылкой портвейна. Почти до утра пускали по кругу этот портвейн, но так и не дошли до половины, слабани. Но об этом вкратце узнали Вихтинские парни и дали на немного перца за своих девочек. Один раз на матче "Кожаного мяча" в Бильнире Данилка неудачно в воздухе столкнулся с местным и сломал руку при падении. Мы начали драться, но их же больше, и мы с боями отступали почти до Кутанги. Когда я я купил первый "Минск", у мотоцикла скрипели колёдки. Наш классный механик, знаток, Мулонов Игорь сказал - смажь тормозные колёдки саломом. Я смазал, дурак, долго потом мучался. А сколько поездок потом было в соседние Хайгу, Обусу, Улей, Бохан - сколько драк ночных, аварий небольших. Зимой ездили на санях. У Китанова Сашки и Балханова Алёшки были и сани, и лошади - по зимнему льду, по насту, с ночёвками, как мы не замерзали - непонятно. Особенно наши четыре девочки - Егорова Тани, Абидуева Ира, Александрова Наташа, Фёдорова Ольга - боевые подруги. Каждый день мы собирались после школы вместе. Летом ходили с друзьями за деревню жарить ку-

риц. Ночью их легко поймать, даже у себя в сарае приходилось. Всю ночь сидели, разговаривали, кипятили чай в кастрюлях - цифиры, как мы называли. Пели блатные песни Башинов Андрей и Вольдемар, на огонёк приходили ещё ребята, девочки. До сих пор встречаемся, друзья.

Геренов М.
27.01.13

Яшка и АВМ

Вообще в школе мы работали постоянно. Зимой готовили дрова, ездили на лесосеку на тракторах всем классом, помогали ветеранам войны в хозяйстве - у них были звёздочки красные на заборе, собирали металлолом, макулатуру, копали картошку для нашей столовой на сорхозных полях, ездили на заготовку веников для скота, ходили на ферму молочную убирать, летом стригли шерсть с овец. Работа была как игра, возможность всем весело провести время, никто не был неженкой, не чурался работы. Всё делалось бесплатно, конечно, как общественная нагрузка, кроме стрижки овец. В самую горячую летнюю пору в Хайге устраивали огромные загоны для овец и стригли одновременно по 50-70 человек. В день можно было настричь от 3-х до 30 овец одному человеку, смотря по сноровке. Мой одноклассник, отличник учёбы с 8 класса Гена Марков стриг больше всех овец. Это было просто удивительно, т.к. он в ловкости, спортивности никогда замечен не был. За лето он зарабатывал порядочные деньги и его отец, Вампилов Василий, купил ему на них мотоцикл "Иж - Юпитер" - мечту всех моих одноклассников. После 8 класса летом завхоз школы Баторов Еремей организовал из школьников бригаду для строительства школьной ограды. Нас было было 3-4 мальчика во главе с Шоболовым Севаном, учившемся на год старше меня. Работа была несложной - выкопать ямы, ровно

устанавливать столбы, прибивать прожилки и штакетник. Работали около месяца, и каждый заработал по 50-80 рублей – очень порядочно по тем временам, это половина нормальной колхозной зарплаты. На этого на хорший мотоцикл не хватало. И вот после 9 класса мы с Яшкой Елбаевым решили поработать на новом совхозном АВМ – агрегате витаминной муки. Яшка Елбаев из параллельного бандитского 9 "б" был парень крепкий. Драчун, выжимал больше 20 раз 2-х пудрею гидю обними руками, умил хорошо боксировать. А дрались мы постоянно. Один раз возле конторы нашего Ново-Ленинского управления (не путать с главной совхозной конторой, которая находилась недалеко) мы, 3-4 старшеклассников встретились с дембелями, пришедшими недавно с эрмни и поэтому гуляющими. Магазины были рядом и они нас, как молодых захотели отправить за портвейном. Слово за слово, смотрим Яшка ударил резко старшину, и тот скатился со второго этажа по деревянной лестнице со всеми своими аксельбантами. Так вот, за месяц работы на АВМ можно было заработать по полной совхозной ставке.

Директором нашего совхоза "Обусинский" был Фёдоров Прокопий Казанович, приехавший к нам с Нукутов вместе со всей семьёй (включая Ольгу, нашу одноклассницу, "командиршу в юбке" как я её называл). Мой папа договорился с ним чтобы нас взяли на эту, можно сказать, тяжёлую мужскую работу в 2 смены. Машины с зелёной массой беспрерывно загружали наш АВМ, наш бригадир, человека в 2 раза нас старше, добавлял туда какие-то удобрения, а мы с Яшкой под бункер подлаживали бумажные мешки и после их наполнения относили в склад. За смену надо было порядка 300 мешков этой витаминной муки приготовить – порядка 5 т на каждого из нас. Надевали респираторы, т. к. очень пыльно, шумно, работали просто под навесом, в смену по 6-8 часов, иногда ночью. После смены ехали на моём "Минске" на море – помыться, купаться. До сих пор помню эти ночные купания, домой не грязным не приедешь. Так вот это наш бригадир сповадил на своей

лошади с телегой увозить почти каждую ночь по 10-15 мешков якобы своим землякам нашу муку. Но скорее всего, он менял нашу муку в соотношении 5:1, т. е. 5 мешков против одной бутылки водки (комбикорм для свиней обычно менялся 3:1). Мы вместо него должны были добавлять удобрения, налаживать поломки в агрегате, а он к тому же брал ещё и наши мешки. Мы ведь работали сдельно – т. е. по весу сдавали совхозу и получали расчёт соответственно. Сперва я пожаловался папе – он ведь был всё-таки анергетик совхоза, но это помогло только временно. Яшка недолго это терпел.

В одну из звёздных ночей, когда он подъехал грузить муку, Яшка поддал ему свой короткий хук справа. И ещё одна звезда засветилась, только не на небе, а под глазом нашего бригадира. Он всё понял. Не стал звать своих, мы ведь тоже могли прозвать наш 9 "а" или 9 "б" – мало не покажется. Только в нашем 9 "б" было 18 парней, а в 9 "а" их было шесть, но они по боевому опыту стоили шестнадцать. Один только Багинов Колька и Лаврентьев Сашка чего стоили – они дрались с ребятами на 2-3 года старше нас и иногда неоднократно били их, хотя, конечно, были и биты.

За этот месяц мы с Яшкой заработали, если я не забыл, почти по 150 рублей на каждого. В деревне это большие деньги. А потом начался свой покос, ягоды, грибы, охота, рыбалка, но об этом потом.

Геренов М.
5.01.13

К юбилею школы

Школа всегда с тобой, хорошо ты её окончил или нет, может вообще не окончил, но воспоминания о ней — на всю жизнь. Если они хорошие, светлые, жизнь не кажется тёмной, а если другие воспоминания — то я не знаю. Потому что для меня детские годы и чуть взрослые, проведённые в родной деревне и школе, радостные. Как пошёл в школу в 5 лет в нулевой класс, потому что у нас не было детского сада, как мы учились в школе говорить по-русски, т. е. не знали ни одного слова по-нашему, как понял значения слова "здравствуйте" и кричал на всю улицу всем знаком и учителям это первое русское слово.

А пошёл я так рано, просто увязавшись за своими друзьями, которые жили рядом, но были старше меня. Плавать нас учили старшие братья — Батинов Гошка, Семёнов Славка. На своём самодельном плоту отплыли с нами от берега и сбрасывали в воду, не давая забраться обратно на плот, приходилось плыть к берегу.

Первое стихотворение я прочитал на школьной линейке 7 ноября. Перед этим отец мне пытался перевести мне с бурятского на русский всё троестие, но я не смог всё понять и прочёл смешанный вариант. "В день 7 ноября мы колдоби хусая, хуса тарган байга, еха ухын гара". Все смеялись, и это до сих пор помнят некоторые мои земляки. У нас были, да и сейчас богатые ягодой, грибами, зверями, рыбой леса и горы. Летом мы собирали ягоды, некоторые рыбачили, охотились, и после летних каникул я написал сочинение, что мы всей семьёй собрали и сварили более 100 литров варенья "здганя" — лесной ягоды.

На самом деле в этот год было много разной ягоды. Мы на горе Удиктай нашли целое море, сплошь усеянное земляничкой. Нам не хватило ведер и мы загрузили ягоду в багажник машины, и она потом на самом деле бунтовала на этих ягодах — было скользко. На обратном пути мы

увидели, что туда едет тоже большая и работающая семья С. С. Богданова, и испугались, что они найдут нашу делянку. После моего сочинения к нам пришли с банками многие учителя, чтобы мы угостили их вареньем, и мы, конечно же, немного поделились. Вообще много было интересного, я хочу ещё рассказать несколько запомнившихся эпизодов. Летом на Туинском заливе иногда проходили детские бои между Туей и Ново-Ленино, ребята которых стояли на разных берегах залива. Бой заключался в том, что бы мы или туинцы завоевали чужой берег. Мы бежали навстречу друг другу и боролись в середине реки. Однажды в таком бою я упал в очень глубокую подводную яму и почему-то ничего не предпринял для спасения, и вот меня вытягивает чья-то рука за волосы, и этот человек бежит дальше в бой. Но я узнал своего спасителя — Шатханова Толю.

Помню массовую драку за деревней, где участвовало около 50 старшеклассников, потом в школе долго разбирались, кто победил и что за это получили от девочек и учителей. Каждое лето 8-9 классы к празднику "Зохэ наадан" собирали сметану со всех дворов нашей небольшой деревни. И вот в самую тёплую лунную ночь начинался за школой этот фееричный праздник с участием всего села, с разжиганием огромного костра, варили сметану и раздавали всем бесплатно, водили большой хор, пели бурятские песни. Бабушки надевали национальные одежды — они были самыми главными. Помню, тётя Катя Олзоева и тётя Валя Хаззагарова надевали головные уборы с рогами и все были очень красивы в этих нарядах. Это волшебная ночь продолжалась до утра, как в сказке.

А наши самые умные, добрые учителя, которым мы не давали покоя своими выходками... Первая учительница Аграфена Ильинична не одну нервную клетку, наверное, сожгла, мучаясь с нами. Наш первый директор и самый лучший директор Александра Яковлевна со своим мужем

Николаем Герасимовичем — участники войны, кавалеры орденов. Благодаря директору и хорошо окончил школу и поступил по её предмету — химии — в Иркутский государственный университет. Очень большую роль в нашей жизни и Николай Матвеевич, учитель физкультуры.

Сколько соревнований, тренировок и просто уроков запомнились на всю жизнь и помогали. Первые слова, хорошо сложенные в сонетах, благодаря Нелле Павловне. А уроки немецкого, которые вёл Сергей Александрович, наверное лучший учитель иностранных языков в нашем округе. Когда к нам пришёл молодой учитель географии Азии Алексеевич сразу после армии, это было событие, все мальчишки сразу подтанулись, девчонки похорошели. Учителя по физике Борис и Фёдор Константинович — образцы выдержанности и мудрости. А наш завуч Вера Петровна — сама интеллигентность в нашей самой лучшей на свете деревне со своим мужем — "оракулом истории" Львом Прокопьевичем.

Часто, когда баловались в школе, я разбивал стекла. А они большие, оконные, в две рамы. Папу вызывали в школу, он мерил, а где же их брать — в деревне, да даже в Осе их нет, таких больших. Недавно Нелли Павловна Егорова рассказала мне, что папа тогда попросил мой дневник, просмотрел и сказал: "За такие оценки я всей школе стёкла поменяю". И поехал в Иркутск, привёз целый ящик стекла. Но мне кажется, от стекла съездил, не на свои же?

В классе 8-м один раз зимой мы ехали на грузовой машине после соревнований по лыжным гонкам из Осы в открытом кузове под тентом, было холодно, не помогали даже подстеленная солома и укрывание нас дублёнкой. И вот где-то возле Кутанки наши лыжницы из Хайты и Улея запели песню "Малиновки услышав голосок...", мы её подхватили. Наша поющая машина мчалась сквозь темноту с победою домой, уже не замечаю холода и ухабов.

А наши долгожданные майские походы в День пионерии — всеобщий праздник не только для детей, но и для учителей, "пионерские районные слёты", "дни урожая", уборка картофеля на совхозных полях.

Когда мы, 19 парней из 10 "Б", шли в школу по самой широкой "Буржуйской" улице, перекрывали всю её и не пускали никого вперёд, особенно наших 4-х девчонок.

Билет в 82-м году на выпускном экзамене по немецкому языку достался мне лёгкий. Перевод, стихотворение "Лорелляй" — первый куплет и ещё что-то, "Лорелляй" я знал наизусть всю и остальные задания выполнил быстро, быстрее Генки Маркова, круглого отличника. Сдал экзамен, вышел из школы — раннее утро, май, цветёт черёмуха, пятёрка, всё впереди, свобода! Незабываемо

После началась уже взрослая жизнь, теперь уже свои дети. Один уже окончил школу, третья пока готовится. Везя второго сына каждое утро в школу, думаешь: пусть ему будет также интересно и хорошо там, и радуюсь, что он так же как и я, с нетерпением ждёт этой встречи со своей школой.

М. Гергенов

2008 г.

Встречи с жителями округа

"В поход за ягодами"

Папа, сестры, брат, я и желтый "Москвич"

Михаил Гергенов

родился 15 января 1968 года в селе Ново-Ленино
Осинского района Иркутской области. В семье был пятым ребенком.

В 1982 году закончил Ново-Ленинскую среднюю школу.
После окончания Иркутского государственного университета
по специальности учитель химии, инженер, был направлен
в Читинскую область, где проработал 1,5 года в Комитете
по охране окружающей среды.

В 1988-90 годах работал в Бурятском Научном Центре,
создал в БНЦ отряд для строительства жилья при
Молодежном Жилищном Комплексе. В составе отряда
в 1990-92 годах работал на Загорском кирпичном заводе
рабочим и получил квартиру в 113 квартале.

С 1993 года и по сегодняшний день является предпринимателем,
директором ООО "Самья". С 2002 года является
депутатом Народного Хурала Республики Бурятия.
Работает в Народном Хурале на не освобожденной основе,
т.е. не получает там заработную плату.

Женат, имеет 3-х детей.

*Может яблоко сибирское упадет
на голову или мысль хорошая...
М. Гергенов*